

КАТЕГОРИЯ ИМЕНИ В «НОВОМ ЗАВЕТЕ» И ЕЕ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Одной из основных и существенных особенностей библейского откровения является то, что у Бога-Отца есть личное имя, обладающее могущественными онтологическими свойствами. Парадокс состоит в том, что это имя не содержится ни в Септуагинте, то есть греческом переводе Библии, ни в современных переводах Библии на другие языки. Это тем более удивительно, что Христос незадолго до своей смерти говорит ученикам, обращаясь к Богу-Отцу: “Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира” (Ин. 17, 6). Тайна личного имени Творца-Вседержителя составляет отдельную проблему, которой здесь мы не будем касаться. Рассмотрим основные категориальные признаки личного имени Бога-Отца, которым в «Новом Завете» придается большое значение.

В “Новом Завете” личное имя Творца выступает одной из главных категорий бытия. Существеннейшим признаком и свойством этой категории выступает ее творящий, созидательный характер, который в семантике воплощается в архисеме “творение, созидание”. В Евангелии от Иоанна находим: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть” (Ин. 1, 1-3). Таким Словом может быть только имя Творца, равное ему, и которое он положил в основу всего. Именно в этом первичном Слове, по утверждению Иоанна, «была жизнь», и именно оно «стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1, 14). Научный смысл этих библейских положений раскрыт нами во многих работах [2; 3 и др.], поэтому на интерпретации созидательной, творящей функции личного имени Творца-Вседержителя мы не будем подробно останавливаться. Отметим только, что продемонстрированный нами подход к имени как субстанциональной сущности имеет сильную философскую традицию.

По А. Ф. Лосеву, именование – фундаментальный онтологический процесс, внутренний стержень бытия. “Сущность есть имя, – подчеркивает А. Ф. Лосев, – и в этом главная опора для всего, что случится потом с нею” [5, с. 152]. Но если сущность есть имя, слово, развивает мысль А. Ф. Лосев, “то, значит, и весь мир, вселенная есть имя и слово, или имена и слова. Все бытие есть то более мертвые, то более живые слова. Космос – лестница разной степени словесности” [5, с. 153]. Для Лосева становление мира, космоса предполагает в своем начале самоименование Первосущности, Абсолютной Личности, ее проявление в инобытии через имя. Только такое, “мифическим-магическое имя, есть полное пребывание сущности в ином, и только такое слово есть вершина всех прочих слов” [5, с. 153]. А. Ф. Лосев фактически

подходит к пониманию того, что первичное имя, имя Абсолютной Личности – это разгадка всех тайн бытия.

Вторым категориальным признаком личного имени Творца является его энергетический характер, причем энергия как Слова-Первосущности, так и энергия Бога выступают в Библии в виде света, нематериального сияния. Когда Иоанн говорит о Слове, которое было в начале, он добавляет: “В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его” (Ин. 1, 4-5). Иногда природа Бога буквально соотносится со светом: “И вот благовестие, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы” (Первое послание святого апостола Иоанна Богослова 1, 5). Известное преображение Христа на горе Фавор связано с тем, что “просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет” (Мф. 17, 2). Почти так же выглядит и ангел, который отвалил камень от двери гроба Христа: “вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег” (Мф. 28, 3). После воскресения Иисуса Христа божественный свет не раз являлся апостолам. Например, когда Павел отправился в Дамаск и уже приблизился к нему, “внезапно осиял его свет с неба” (Деян. 9, 3).

Если понимание энергетической природы Бога как трансцендентного сияния, света является распространенным в теологии, то признание за именем Божиим энергетической сущности не имеет столь общепризнанной трактовки. В православии в начале XX столетия возникло религиозно-философское течение – имяславие, которое учило, что имя Бога нужно относить как к сущности Бога, так и к его энергиям. Истоки имяславия находят в IV – VII вв. в исихазме (*исихазм* в переводе с греческого – покой, безмолвие, отрешенность) – мистическо-философском течении в Византии о путях человека к Богу чрез очищение сердца слезами и сосредоточение сознания. Это учение было развито в XIV веке Григорием Синаитом (конец XIII – начало XIV века), византийским подвижником и писателем, и Григорием Паламой (1296 – 1359) – Фессалоникийском архиепископом. Г. Палама и его последователи учили, что Свет Фаворский, воссиявший на горе Фавор во время преображения Христа, есть энергия Бога, неотделимая от него, но отличная от самой сущности Бога. Паламиты, а вслед за ними и имяславцы, утверждали, что имя Бога имеет божественную природу и что Бог неотделимо присутствует в своем имени. Имя Божие, считали они, должно быть прилагательно не только к сущности Божьей, но и к ее энергиям. Поэтому имяславие является обязательным условием молитвы: именование Бога есть призывание его духовных энергий. Не случайно Христос после своего воскресения заповедал ученикам: “научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа” (Мф. 28, 19). Вполне вероятно, что известный зачин молитвы из “Нагорной проповеди” Христа “Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое” в момент создания “Нового Завета” звучал несколько по-иному, а впоследствии был искажен переводчиками. Более адекватным природе и сущности имени Божьего кажется употребление здесь глагола *светится*, а не *святит-*

ся: *да светится имя Твое*, то есть излучает свет, а не становится святым. И хотя Синод в 1913 г. запретил имяславие, теологическая сторона вопроса считается в православии до этого времени до конца не выясненной.

Идеи имяславия развили уже упоминавшиеся русские религиозные философы С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский, В.Ф. Эрн и др. Для П.А. Флоренского не только имя Бога, но любое имя выступает в качестве божественной сущности, которая несет в себе мистические энергии. С.Н. Булгаков утверждал, что имя Божие есть как бы пересечение двух миров – духовного мира космоса и человеческого сознания, а потому именование имени бога в процессе молитвы – это обращение к его духовным энергиям. А.Ф. Лосев так формулирует религиозно-философские тезисы имяславия: “Энергия сущности Божией неотделима от самого Бога и есть сам Бог... Имя Божие есть сам Бог, но Бог сам – не имя” [4, с. 910].

Третий категориальный признак личного имени Вседержителя, вытекающий из текстов “Нового Завета”, заключается в том, что имя и его носитель обладают разрушительной силой. В “Откровении святого Иоанна Богослова”, глава 19, стих 11 и далее, находим: “И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, который праведно судит и воинствует... Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого. Он был облечен в одежду, обгавленную кровью. Имя Ему: “Слово Божие”. И воинства небесные следовали за Ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый. Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; он топчет точило вина ярости и гнева Бога-Вседержителя. На одежде и на бедре Его написано имя: “Царь царей и Господь господствующих”. Комментируя этот отрывок необходимо отметить три момента. Во-первых, здесь сохраняется тайна имени праведно судящего и воинствующего. Во-вторых, в словах “Имя Ему: “Слово Божие” прослеживается тесная связь этого имени со Словом, которое лежит в начале, так как авторство этих двух текстов принадлежит одному человеку: Иоанну Богослову. Другими словами, тут как бы содержится указание на то, что Слово, лежащее в начале, является именем Божьим. И, в-третьих, иносказательным именем “Царь царей и Господь господствующих” Иоанн Богослов, бесспорно, указывает на то, что Вседержитель на белом коне – это сам Творец-Вседержитель. Меч острый, исходящий из его уст, – это метафора, из которой вырастает образ все того же Слова.

И, наконец, еще один категориальный признак новозаветного личного имени Бога-Отца заключается в его спасительном характере. В апокалипсическом катаклизме уцелеть можно лишь с помощью этого имени. В “Послании к римлянам” утверждается: “Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется” (Рим. 10, 13). На эту чудодейственную силу имени Божьего, которой могут пользоваться люди в земной жизни, указывает Христос в своей “Нагорной проповеди”: “...не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса тво-

рили?” (Мф. 7, 22). Сама миссия Иисуса Христа связана с тем, что он пришел на Землю во имя Отца Своего: “Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете” (Ин. 5, 43). Иногда эти слова Христа толкуют в том смысле, что он хотел открыть людям имя Отца, однако увидел, что люди не готовы принять его, и поэтому не стал этого делать.

Таким образом, историческая и современная семантическая интерпретация текстов “Нового Завета” позволяет говорить о том, что личное имя Творца-Вседержителя носит созидающий, энергетический, разрушительный и спасительный характер.

1. Библия. Издание Московской патриархии. М., 1992.
2. Гируцкий А.А. Наука и религия. Мн., 1999.
3. Гируцкий А.А. Тайна имени. Мн., 1996.
4. Лосев, А.Ф. Бытие – имя – космос. М, 1995.
5. Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1996.
6. Флоренский П. Имена. ТОО «Купин», 1993.